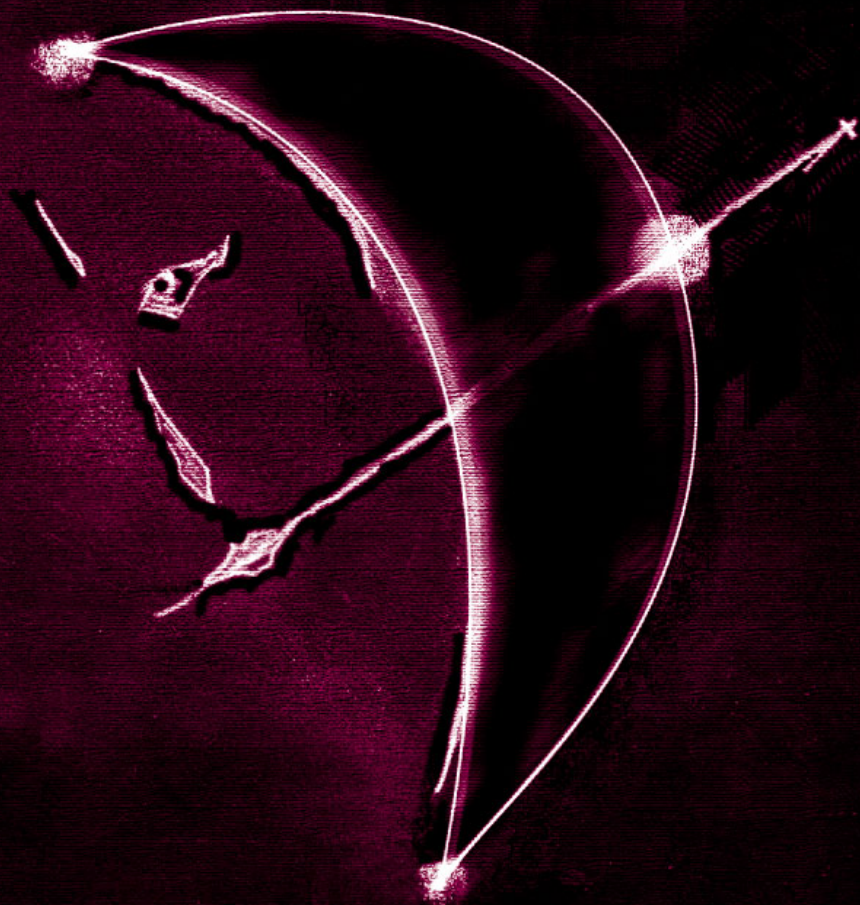

Лидия Медведева

Траектория взлета

ЛИДИЯ МЕДВЕДЕВА

ТРАЕКТОРИЯ ВЗЛЕТА

СТИХИ

МИНСК

2001

Медведева Л.

Траектория взлета. Стихи. 2001. — 96 с.

Истоки поэзии Лидии Медведевой, конечно же, скрыты в глубинах чувственно-сильной души поэтессы, в буйстве ее горячего сердца. «Траектория взлета» — вдохновенное слово о себе и своем времени, в котором прошли нелегкое послевоенное детство и сурово-строгая, далеко не беззаботная юность.

Л. Медведева родилась 28 ноября в 1942 г. в городе Алма-Ата в семье инвалида Великой Отечественной войны. Среднее образование получила в Грозном. В 1964-м окончила Грозненский нефтяной институт. Работала ассистентом кафедры коллоидной и физической химии, старшим научным сотрудником. Защитила кандидатскую диссертацию по нефтяным эмульсиям. С 1981 года живет в Минске.

Печаталась в грозненской молодежной газете «Комсомольское племя» и журнале «Неман» (1983, № 8).

Памяти родителей –

Петра Михайловича и Валентины Алексеевны

* * *

Животворные родники
бьют из сердца.
Синеоки и глубоки
реки детства.

Деревянный простой причал
и мосточек —
здесь начало земных начал,
чувств росточек.

Из кровинок — сгустком любви
гроздь рябины.
Жар не выстудить из груди
зимней стыни.

Не скудеет любви река
к той рябине,
что возникла издалека,
как святыня.

Целовались с тобой под ней
на прощанье.
Как горит красотой своей
обещанье!

* * *

Не познавай звезды,
глядя в колодец.

Не познавай себя,
глядя в колодець своей души.

Познавай себя
через близких тебе людей —
без их живительных родников
чистейший колодець зачахнет.

* * *

Нежным поцелуем
утро разбудило.
Засветилось смехом
солнечным в очах.
И любовь оконце
в новый день открыла.
И стекает зорька
с твоего плеча.

Заигрался ветер
шторкою оконной.
Напоил озоном,
влагою росы.
К нам приходит утро
радостью исконной.
И несет признанья
сладкие часы.

* * *

Теплеют ночи.
Взрываются почки.

Идет брожение соков.
Весна-чародейка
пьяняще действует,
взывая к чувствам высоким.

Голубое небо.
Прозрачные дали.
Восток клубится, алея.
Живу мечтою.
Открой заветному двери!

СЕРЕБРО

Небыль это или быть?
То в степи растет ковыль.
Серебром ковыль-травы
отливают рвы, бутры.

Хладен мертвенный металл —
счастья никому не дал.
Из живого серебра
выкуй цепочку добра.

* * *

Клен обронил к моим ногам перчатку.
А может — это лета отпечаток
свалился с неба непонятным знаком?
Определю его в хранилище для книг.
И буду им закладывать страницы.
А может — он в страницах затаится
с тем, чтобы через годы появиться
и возродить собой былого миг?

* * *

Кристаллы звезд
на вечном небосклоне
сияют мне
мерцающим теплом.
Из тучи месяц вышел —
желтый клоун.
И нервы завязал
тугим узлом.
О, совершенство
звездного пространства!
Порой уводит
от земных тревог.
Но нечто,
что грозит кровавой раной,
я не хочу пускать
на мой порог.
Уносят вдаль меня
простые мысли.
Судьбу свою
хочу связать с тобой.
Но почему волнует
странность выси?..
И чудится мне
мерный звездный бой.

* * *

Бег времени
или течение жизни —
все в рамках возможного
в мире капризном.

Но есть исключения
из общих реалий.
Они приближают
зовущие дали.
И вспышкой бессмертья
рождается чудо...
Творят гениальное
смертные люди.

* * *

Хотелось бы покоя,
но в нем оттенок скуки.
Любовь моя настояща
на горечи разлуки.

Но горечь не полынную
любовь моя взрастила.
Так горечь тополиная
весной бывает мила.

Так тешимся прогорклостью
сосновых липких шишек.
Не увлекайтесь взрослостью —
ее любовь не слышит.

* * *

Облаком сиреневым
в середине мая
к нам любовь нагрянула,
к нам любовь пришла.

И с улыбкой нежною
к сердцу прижимая,
закружила силою
верного крыла.

Не могу опомниться
от хмельного счастья.
Нет возврата к прошлому —
будущность зовет.
Нас берет в объятия
голубая станция —
и экспресс уносит
в синий небосвод.

* * *

Сток и месяц. Запах сена.
Купол неба надо мной.
Наплывают постепенно
тишина, ночной покой.
С неба звездочка скатилась —
всплеск! — и канула в реку.
Я на милого сердилась,
а теперь — сижу и жду.
Мне подмигивает месяц:
— Ты, молодка, не робей.
Мир просторен, но и тесен.
И живет в нем соловей.
Вот идет к тебе твой милый —
впору слушать соловья.
Не противься доброй силе
и скажи ему: «Твоя!»

С неба звездочка упала,
звонко канула в реку.
Я любовь свою приждала.
Разгони печаль-тоску.
Расцвела здесь алым маком
напоенная земля.
Перестала горько плакать
я от трелей соловья.

* * *

Белый цвет. Он таит семицветье.
Белый снег. Он таит звон ручья.
Очарована я белым светом.
Заворожена яркостью дня.

Белый стан у березы — красиво!
Белый пух замели тополя.
Белый сад. Белый аист. И диво —
белорусская наша земля.

* * *

Мне сказали —
нрав твой быстрый
от реки бурливой горной.
Мне сказали —
взор лучистый
от огня
пылает в горне.
Мне сказали —

сердца пламень
не залить водой холодной...
Мне запало это в память —
чувств прорвалось половодье,
растопив неверья льдины,
разорвав обмана путы.
Мы с тобой теперь едины —
не стоим на перепутье,
позабыли молний взрыды
над счастливой нашей саклей.
И звенят любви призывы
сногшибательною саблей.

* * *

Поцелуй ребенка...
Дух захватывает
от избытка нежности к нему.
Мы за это счастье
много платим —
у забот находимся в плену
каждодневных, милых и упрямых.
Что ж, бывает, — мы от них в поту.
Но когда,
услышав слово «мама»,
вмиг осмыслишь жизни красоту,
окрыляет это — словно песней,
опьяняет сладостью своей.
Материнства радости чудесны.
И живем мы судьбами детей.

* * *

Отбросим ворох условностей,
они нам только мешают.
Порою избыток скромности
счастливой жизни лишает.

Нужна ли полету скованность?
И можно ли петь несогласно?
Я с ног не сшибаю новостью,
работой грозя внеклассной.

* * *

Выпуклость капризной белизны.
Постигаю наслажденье снежностью.
Мне зима — не стылость, а призыв
к бодрости от этой неизбежности.

Сбросив вялость утреннего сна,
познаю причудливость рельефа.
Вот стоит сугробчиком сосна.
Вот беретом снег на крыше съехал.

Созидатель чуда — снегопад —
возвратил и мне былую нежность.
И ловлю замороженный взгляд,
позабыв спасительную трезвость.

* * *

Вышивать любила гладью
скучная особа.

Гладь стелить нужно уменье —
это стиль особый.

Мне милей не вышиванье,
а кипенье мыслей.
Жизнь стелить спокойной гладью
вовсе я не мыслю.

Мне вполне по нраву ветра
вольные порывы
и теченье рек проворных,
чистых и бурливых.

Тишина гнетет и давит,
слух мой не тревожа.
А покоя безмятежность
песнь души не сложит.

* * *

«Вальс-фантазию» Глинки
в четыре руки играют
белые и черные.
Четыре руки в упоении
колдуют над клавиатурой
из клавиш белых и черных.
Ладят мелодию жизни
белые руки и черные.

* * *

Капли осени срывая
с наших лиц,

ветер нам
фокстрот играет
на двоих.
И спешим
в вечернем блеске
ритму в такт.
А вокруг
нам рукоплещет
листопад.
А вокруг —
с веселым стуком
вьется дождь.
И берет нас
на поруки
яркий зонт.
Он шикарный,
хоть в заплатках —
листьям в тон.
Поцелуями оплатим
свой простой.

* * *

В конусе света
вьются снежинки —
белые бабочки
зимней отрады.
Нами протоптаны
строчки-тропинки —
от фонаря
до чугунной ограды.

То расходясь,
то сплетаясь в косицу,
тонут следы
в белизне покрывала.
Ночью — я знаю —
будет мне сниться
то, чего жду,
но чего не бывало.

Утро развеет
сны-ворожей.
День разольется
жизненным чудом.
Кажется все же
сказочным шлейфом
зимней дороги —
снежная удадь.

* * *

Звонкокрылый ветер странствий
позовет меня с собой.
Не всегда махну в пространство —
сяду я с пером за стол.
И забьются чудо-ритмы
в зачарованной строке.
И страдания изжиты.
И мечта поет во мне.
И плывут слова, как парус,
и ложатся в штиль листа.
Все печали — сердца шалость.
Оно бьется ритмам в такт.

* * *

Падай снег. Создавай покрывало.
Умягчай каменистость земли.
Очень много бы недоставало
без чудачеств морозной зимы.

Будет лето. Подарит краски.
Радость радугой выплеснет дождь.
А пока — в снежно-белую сказку
заигрался веселый мороз.

* * *

Тепло души — теплее солнца греет,
Ненастье помогая пережить.
Не каждый расточать его умеет,
желая поспокойнее прожить.

А расточитель — всех мудрей на свете.
Его теплом взлелеянный росток,
даст всходы благодарные. Посейте
и вы добро — окупится в свой срок.

* * *

Ритмы спелого дождя.
Выплеск молнии —
электричества заря
все заполнила.

Ткутся летние холсты
развеселье.

Ситцы летние просты,
но бедовые.

Навевает травостой
быль старинную.
И вздымается восторг
пелериною.

* * *

Калинушка-кровинушка,
лоскутик лета алого.
Спустила горечь винную,
от стужи слаще стала.

Звенят хрустально бусины,
красой нарядной радуя.
Смакуй отраду вкусную.
Желание загадывай.

* * *

Любовь — не робкая осинка,
что тихо зябнет на ветру.
Любовь — не тонкая былинка.
Она вобрала красоту:
от неба — высоту и ясность;
от моря — ширь и глубину;
от стаи птиц — полет и гласность;
от снега — свежесть, чистоту.
Лелея гордо постоянство,
любовь — не легкий ветерок.

И в целомудренном убранстве
не уживается порок.

* * *

А в садах
разгулялся май
кипеньем сирени.
Захмелел
соловьиный край
от любовной пены.
И пошел выдавать
с лихвой
такие коленца,
что забыло
уютный покой
звучащее скерцо.
И заброшен
в угол смычок,
и застыли ноты.
И встречаем
зари восторг,
вдохновеньем сотканный.
Польхает
над нами май
сиреневым пламенем.
Радость плещет
через край
в городе каменном.

* * *

Жизнь пленительно прекрасна —
ярким солнечным лучом.

Жизнь стремительна и ясна —
звонким трепетным ключом.
Вдохновенна — свежим ветром
и игрою чутких волн,
незабвенностью рассвета...
В алых маках небосклон.
Натянув тугие струны,
скрипка жизни запоет
и пронзительные думы
смело выпустит в полет.

* * *

Задымит морозом белым
зимняя пороша.
Поседеют сосны, ели.
Вся в сугробах ро́ща.

И застынет лес в оковах.
Зазвенит метелью.
Станет сказкою суровой
в белой повители.

Заблестят на солнце льдинки
гранями алмаза.
И сплетутся паутинки
зимнего рассказа.

* * *

Гордо рдеет на калине
смурой осени мазок —
талиману ярких линий
уподобился листок.

Зачарованного рода
из-за тучи свет идет...
Жадным клювом непогода
гроздья нежные клюет.

* * *

Горько-винной настойкой
пропахли осенние листья.
Лист опавший топорщится
ржавой хрустящею коркой.
Разорву на ладони
отраду ушедшего лета.
Не любовью меня наградило,
а горьким упреком.
Ты вещал мне любовь
и пророчил совместное счастье,
и блаженство, лишённое тени,
под солнцем в зените.
А теперь я руками ловлю
только лист опаленный
и от глаз отвожу
паутиновой тонкости нити.

* * *

Ветер стелется по земле —
заплутался в пахучем сене.
И в дремотной его волне
травы робкие гнут колени.
Но проснется строптивый дух,
заершатся макушки сосен.

И застонут деревья вслух...
Заправляет ненастьем осень.

* * *

Унес снежинок белый хоровод
наскучившие стылые метели.
Поет весну неугомный хор
птиц звонких под мелодию капели.

И капельки весеннего тепла
рождают непредсказанную ласку.
И лужиц прихотливы зеркала —
полощут неба радужные краски.

И в почках набухает красота,
готовая явиться ярким чудом
резного горьковатого листка,
так нужного и дорогого людям.

В нем процветанье обновленных дней,
не тронутых печатью увяданья.
И то, что нами прожито вчерне,
весной прольется незабвенной данью.

* * *

Помнишь — на празднике
нашей любви
ты дарил мне разноцветные шарики?
С ними нам не было скучно.
Но потом все это

воздушное разноцветье
превратилось в большой
мыльный пузырь,
пожелавший стать радугой...
Однако — радуги не получилось:
лопнув,
мыльный пузырь оставил
после себя всего лишь
каплю-слезинку...
Так и наша любовь
истекла
разноцветными каплями.

* * *

А любовь —
она горит,
словно пламя.
И болит,
порой кричит
кровью алой.

А любовь —
набатный звон,
вспышка света.
Без нее
мы не живем
на планете.

Обещание любви —
только завязь...
А любовь —

она горит
всем
на зависть.

* * *

В. Терешковой

Через страданья от злых неудач,
через упрямство высоких задач
вырвать у неба, у скопища звезд
тайну рожденья загадочных рос,
что жемчугами горят на заре,
зрея любовью к родимой земле.
И полетят в опаленной дали
сбывшихся звездных надежд корабли
с мыслью единой — вернуться к Земле
в капельках звонкой росы на заре.

О ПЕСНЕ

Пела песня о счастье
довоенной порой,
о любви бесконечной,
о любви безграничной.
Но пришел грозный час —
и отправилась в бой.
Из окопов звучала —
не из окон столичных.

Песня гордо звала.
Песня смело вела

к сокровенному счастью
сквозь огонь испытаний.
Эта песня — набат.
Эта песня — стрела.
Поражала врага.
И смягчала страданья.

Не погибла она —
и салютным огнем
просияла над миром
весенним и чистым.
Эту песню теперь
со слезами поем —
и за круглым столом,
и у плитobelisков.

ЗВЕЗДА

Волна набежала на берег —
лизнула прибрежную гальку.
Оставила, схлынув небрежно,
мерцанье живых огоньков.
Явились они из пучины
бескрайнего синего моря.
Рукою волну разгребая,
любясь сиянием их.

Порою звезду ловим в небе.
А лучше на землю спуститься —
к той, нежной (живет она рядом),
что светит душою своей.

Ей трудно в тоске одинокой —
согрей ее теплым дыханьем,
раскрой с упоеньем объятия —
и будете счастьем полны.

ПЕСНЯР

1

Раздавал он чудо горстями
со щедростью землепашца.
А слова собирались в стаи
с мощным размахом.
И летят эти стаи над нами,
чаруя песнями.
Над родными реят холмами
в голубом поднебесье.
Над лугами плывут,
над полями из звонких колосьев.
Над дубравой,
листвой шелестящей и росной.
Над столицей,
расцветенной праздничной лаской.
Над криницей
из старой и доброй сказки.
И роняют на землю
дивные перья —
вековую память любви и веры.

2

Вязынка...
С тобою связаны

любовью нетленной.
Чего ты не ведаешь —
так это сердечной лени.
Место заветное
с купаловской колыбелью.
Для многих стала
благословенной купелью.
Пестовала, кахала
не только Великого Янку.
Сколько сердец согрела,
сколько признала талантов!
В жизни
любое чудо
рождается из поклоненья.
Вот и меня исцеляет
любовным, жизненным зельем.

* * *

Почему же колючий еж
в твоей душе?
Это больно не только тебе,
но и мне.
И даже ежу, у которого
ты рвешь иголки.
Я не вижу в деянье этом
ни прока, ни толка.
Отпустил бы лучше на волю
того ежа.
Пусть в знакомом лесу
он выведет
мягких ежат...

Ну зачем колючим клубком
засела боль?³
Стала нервной, чужой и злой
твоя любовь.
А может — и нам,
двум колючим ежам,
надобно мягких ежат?³

* * *

Благословляю чудо материнства,
насыщенное вечной суетой.
Высокий смысл у этого единства —
в нем доброты целительный настой.

Светлее солнца — нам улыбка мамы:
чарует несравненностью своей.
Пред нею и отчаянный упрямец
забудет плен насупленных бровей.

И расцветаем мы под взглядом этих
внимательных и нежно-чутких глаз —
дороже не сыскать на белом свете...
И мудрость мамы прорастает в нас.

ВЕРБА ХАТЫНИ

Уцелела верба.
Уцелела.
— Я — жива! —
Доносит стоны ветер.
Ох, и пекло было!..

Ох, и пекло!
И в аду такого не случилось.
И встают, как свечи,
по усопшим
(По усопшим?..
По живьем сожженным!)
трубы из обугленных развалин.
И рыдают колокольным звоном —
злодеянью не сыскать названья.
И прощенья — нет.
И плачет верба:
— Уцелела..
И вторит ей груша:
— Уцелела..
Но и одну, и другую —
скорежило
от нестерпимой боли.

* * *

Исповедуется музыка.
Вслушайтесь в этот голос,
идуций из сердца.
Замирает восторг.
Наплывает высокое чувство.
Что сравнится с тобой,
музыка?
Шум берез?
Или шепот прибоя?
Или нежное чувство любви?
На едином дыхании зал —

на едином порыве...
Властвуй, вливайся в сердца,
музыка!

* * *

О, струны цимбал!
О, звуки — открытья!
Сплетаются в чувства
сердечные нити.

Срываются слезы
с восторженных взоров.
Играют, порхают,
искрятся узоры.

Взимается трепетно
дань поклоненья.
И что затерялось —
так это терпенье.

* * *

Я помню ночные купанья
в дорожке из лунного света,
прохладного моря дыханье,
томленье в груди до рассвета.

Я помню твои обещанья,
надежды на смутное счастье.
Любовь обернулось прощаньем —
ушла, как туман, в одночасье.

МАЙ

Щедрость солнца,
радость солнца —
одуванчики в саду.
Лето жаркое
на донце.
Скоро будет на виду.

Не жалеет
ярких красок
огнедышащий предмет.
Много цвета.
Много ласки.
Много радостных примет.

Блики света.
Пляска света.
Расправляет складки май.
Раздают скворцы
советы:
если хочешь — принимай.

ЧУВСТВО

Говорят, что в каждом чувстве
чувство меры быть должно.
Но от этого мне грустно —
с этим я не заодно.

Если кто-то чувства мерит,
отпускает по частям —

можно ли ему поверить?
Не подвластен он страстям.

А без страсти — что за чувство?
Просто — серость, тусклота.
И любовь зачахнет грустно,
как бескрылая мечта.

* * *

Хной окрасилась трава и басмой —
осень так щедра на медный цвет.
Даже солнце кажется прекрасней,
выбираясь изредка на свет.

Серый тон становится привычным —
синеву нам небо редко льет.
И вода из кладовых криничных
зимней стужей обжигает рот.

* * *

Трехмерность нашего пространства.
Неповторимость бытия.
И каждый в этом мире — странник,
поскольку вертится земля.

Живу свободно я под солнцем —
и сердцем, и душой любя
зеленый лист и спелый колос,
и бархатный наряд шмеля.

Мила земля мне в разноцветье.
Мила и в белой красоте.
Игру дождя и пенье ветра
возьму в попутчики мечте.

Пусть каждый день рассвет нам дарит
надежду, радость и успех.
Следят заботливо радары,
чтоб не прервался детский смех,

чтоб из трехмерного пространства
не получилась пустота.
Пусть мирно существуют страны —
как эта истина проста!

* * *

Радость жаворонком вьется
высоко-высоко.
Пусть в сердца она вольется
животворным соком.
И на лицах засияет
гранями алмаза.
Пусть тоски она не знает
никогда, ни разу.
Пусть звенит влюбленной птицей
чувство заревое
над криницей, над водицей
с ласковой звездой.

ПОЕЗДА

Мимо окон идут поезда
и несут на плечах города,

и мечту, и далекий рассвет,
и судьбы неизведанный след...
И надежду на близость сердец.

* * *

Паруса мечты,
в радостном сиянье
розовой зари
рвите расстоянья.
Рвитесь к облакам,
что плывут к восходу.
А твоя строка
делает погоду.
Ясно. Нет дождя.
И не смоем счастье.
Горизонт пройдя,
брошусь в море страсти.
Брошусь в океан
трепетной надежды.
Прочь — самообман.
Прочь — мечты-невежды.

ПЕРВАЯ ОСЕНЬ

Запестрел наш городок
разноцветным ситчиком.
Вот пройдет еще годок —
станут попримечнее
эти веточки-дубочки,
палочки-каштанчики,
эти девочки-березки
и кленочки-мальчики.

Вездесущая сорока
зиму им пророчит...
И роняют очень робко
первый раз листочки.

* * *

Ощетинились деревья,
потеряв наряд шуршащий.
И застыли в чистой вере.
А морозы злятся чаще,
временами крутит вьюга,
колкий снег в лицо швыряя.
Но деревья спят упруго,
сладость жизни сохраняя.

* * *

Островки надежды,
тешите меня.
Я люблю, как прежде.
Нет в тебе огня.

Выплеснулась стужа,
зимняя пороша.
Разве стылый нужен?
Где же ты, хороший?

Где же ты, горячий,
милый, дорогой?..
Взгляд упрямо прячешь,
не манишь рукой.

Не возьму я стылость,
чувства тербя.
В этом будет милость —
разлюблю тебя.

ОТРАЖЕНИЕ

Отражается небо в пруду
и привносит свою глубину.
Наклоняются ивы к воде
и зыбятся в продрогшей волне.

Светлым зеркалом светится пруд —
к чистоте его хочется лнуть.
Но коварства немого полна
отраженная глубина.

Не глубок и не сладостен пруд —
не колышет взволнованно грудь.
Отраженной живет красотой
мелководья застойный покой.

* * *

Возвращу безоглядную юность.
Озарю яркой искрой былое.
Растревожу застывшие думы.
Подарю им надежду и волю.
И на прошлых годов постаменте,
ощутив их беспечную ясность,
обрету я прозренья моменты,
принеся и тепло, и приятность.

И, воспрянув в смятении чутком,
отстранив всю несносность терпенья,
позабуду докучливость скуки...
И выиграю пьянящею пеной.

* * *

Тянусь душой к кристальному Кавказу,
где воздух чист и вдохновенен взор.
Где высота природного экстаза
дарит извечный снеговой узор.
Где ледников пленительные глыбы,
как латы, защитив богатыря,
застыли в поклонении великом.
Где льется упоительно заря,
багровой краской запалив вершины
воспетых щедро пламенных страстей.
И где рукой дотянешься до сини
и растворишься в яркой красоте.

ПОДСНЕЖНИК

Дитя весны — улыбчивый подснежник —
вдруг изменил призванью своему:
осенним днем посланник белоснежный
пробился сквозь опавшую листву.

Явился он всему на удивленье,
приветливо головку наклонив.
Весны капризной чудное виденье —
он, робкий, краски осени затмил.

* * *

Для тебя я стану
алой зорькой ранней.
Для тебя я стану
теплою звездой.
Стань моим любимым.
Стань моим желанным.
Стань моей отрадой
и моей судьбой.

Позабудешь горечь.
Позабудешь тучи.
Позабудешь тягость
одиноких дней.
Стань моей надеждой,
ясной и кипучей, —
и откроем счастьем
нараспашку дверь.

* * *

Глазастые ромашки
всезнающей любви,
живите с милой лаской
в трепетной груди.
Изжив полыни горечь,
взрастили красоту.
Я в этом нежном море
отраду обрету.
Гадают на ромашках,
а лучше так любить —

без боли, без подсказки
настой̆ целебный̆ пить.

* * *

Золотится берез наряд,
опадая к ногам пятаками.
Я ловлю их восторг̆ руками
и не прячу влюбленный̆ взгляд.

Серебрится волос твоих прядь.
но глаза по-прежнему молоды.
Не устраивай̆ счастью̆ проводы
и не прячь̆ восторженный̆ взгляд.

* * *

Во всем должна быть сердцевина,
где мудро властвует зерно.
Росточку с силой исполина
пробиться к солнцу суждено.

Примножив мудрость сердцевинок,
заколосилась в поле рожь.
А мне который̆ раз в новинку:
немного сеешь — много жнешь.

* * *

Ягодное лето средней̆ полосы.
Алые росинки в зелени сверкают,
шепчут нам о счастьӗ
и любовно тают
на губах рубином̆ редкой̆ красоты.

Бусинки-кровинки ягодного лета
отзовутся счастьем радужного дня,
выплавляя алость пылкого огня,
попадая в Вечность ярким амулетом.

* * *

Серебристые сединки
появились в волосах,
и печальные сердинки
забираются в глаза.

Не грусти — приходит зрелость
и несет свой добрый свет.
Все с годами ладно спелось,
оставляет четкий след.

* * *

Белый цвет — теплый снег
по весне кружится.
Мерный времени разбег
старит наши лица.

Время мудрости дарит
стройную систему.
И приходит строгий ритм
вспышкам чувств на смену.

* * *

Неба лен над головою
вызрел синим цветом.

Хорошо бродить с тобою
и зимой, и летом.

Льнем мечтою сокровенной
к золоту отрады.
Если рядом ты со мною —
ничего не надо.

Расцветают незабудки
нашего доверья.
Утро птицей-красногрудкой
распускает перья!

* * *

Белорусские цимбалы!

Звоном чистым, звоном алым
растревожили мне душу.
Век я вас готова слушать.

Белорусские цимбалы!

С вашим звоном солнце встало.
Потянулись к солнцу ветви,
птицы стали петь заветно...

Белорусские цимбалы!

* * *

Закурлыкав горько,
журавлиной стаей

с дальнего пригорка
лето улетает.

И несет на крыльях
запахи родные,
грусть земную вылив
в поднебесной сини.

Золото надежды
возвратит нам стая.
Зазвучит, как прежде,
песенка простая.

* * *

Песчинка — к песчинке.
Кирпичик — к кирпичику.
Травинка — к травинке.
Сердце — к сердцу...
Закон притяжения
вечность кует.
А что отталкивает —
мало живет.
Не признаю
вечность молчанья,
вечность тоски,
вечность страданья.
Есть в мире
непреходящие ценности.
Старайтесь быть в тяге
к живой цельности:
песчинка — к песчинке,
звезда — к звезде,
сердце — к сердцу.

* * *

Тропиночка заветная.
Березовая грусть.
Воспоминанья светлые —
вас хочется вернуть.

Вернуть тебя, далекого,
увидеть милый лик.
Вот только белобокая
сорока веселит.

И кажется, на хвостике
несет желанный дар.
И в этих строчках простеньких
любви пылает жар.

МЕЧТА

Ненасытные сумерки,
вы меня целиком поглотили.
Увели вы меня,
отстранив от себя самоё.
Почему-то сейчас
в этом звездном и трепетном мире
я живу не собой,
а мечтой, воплощеньем её.
На мечту мою смотрит
глубокое черное небо.
И не сном — яркой явью
всплывает из тучи луна.
Надо мной простирается
звездный мерцающий ребус.

А разгадка его —
забирает все силы до дна.
И мечта там летит
и теряется в вечном пространстве,
за собой оставляя
поющую млечную пыль.
Но настанет момент —
и она вернется из странствий,
превратится в земную,
до боли знакомую ббль.

* * *

Я вплела свою нежность
в самый первый весенний веночек.
Почему так небрежно
жизнь поставила мне многоточье?

Может быть, еще песня
незабвенная мною не спета?
Может, будет чудесней
за весною идущее лето?

Может, осень взметнется
искрометной своею кадрилию?
Все во мне встрепенется —
у любви моей вырастут крылья!

* * *

Расцвела в саду сирень
буйным цветом.

Ах! Кончается весна —
будет лето.

Обломал ты всю сирень
во садочке.
Целовал меня любовно
в обе щечки.

Ах! Кончается пора
вдохновенья,
упоенья, наслажденья,
нетерпенья.

* * *

Паутиновые сети
расставляла чудо-осень.
Заплетала знойный полдень
в золотистую косу.
Вдруг
тряхнула бубенцами,
побросала листья о землю —
и помчалась в вихре танца
с грациозностью косуль.
Заходила,
засверкала
листопада круговерть.
Без конца и без начала
шелестяще так стенала
и литаврами звучала
обреченных листьев медь.

СНЫ

Ровное дыхание спящего ребенка
сладко баюкает маму.
Но и во сне
видит она сына.
А сыну снится мама,
заботливо склонившаяся
над его кроваткой.
Нежные сны,
наполненные заботой друг о друге.
Не разрушайте
строптивым вмешательством
эту идиллию любви и преданности.
Не взрывайте
эти чистые и крепкие сны.

* * *

Схлынули краски дня.
Ночь опустила полог,
звездным огнем маня.
Светит луны осколок.

Остро отточенный край
колет в самое сердце...
Капает в ванной кран —
и наплывает детство.

Мне улыбнулась звезда
с черного небосклона.
Вот и беда — не беда:
сердце забилося ровно.

Вновь я мечтой полна.
Месяц глядит лукаво.
Жизнь узнаю сполна —
счастье с любовью сплавлю.

БЛЕСК ПРОЩАНЬЯ

Я спросила у осени:
— Почему листья
солнечным светом горят?
Прошептала мне осень
доверчиво:
— Тайна эта созвучна печали.
Скоро будет зима —
налетит снегопад...
А пока —
я чарую восторженно взгляд:
и багрянцем, и золотом
листья горят —
блеск прощанья!

ТРАЕКТОРИЯ ВЗЛЕТА

Траектория взлета.
Четкость, слаженность мыслей.
Здесь ошибка в расчетах
стоит радости жизни
для того, кто взлетает,
и для тех, кто в ответе.
Постигаются тайны —
границы жизни бессмертной.
И с разумным бесстрашьем

рвутся пути земные.
На межзвездные трассы
полетят позывные.
Траектория взлета
человеческой мысли,
где единственным счетом —
вдохновение жизни.

* * *

Обнажила осень
ясеня крылатки.
А под хмурым небом
день плывет украдкой.
Зашарманил дождик
на единой ноте.
У него мирские,
резвые заботы —
прошивают землю
водяные нити.
Мокрые фасады
смотрят неприкрыто,
как маячат в лужах
наши отраженья.
Учит нас погода
мудрому терпенью.

* * *

Счастливым всем
на белом свете —
играет радость семицветья.
А несчастливым —

горе черное
кричит надсадно диким вороном.
Прогнать хочу я
злого ворона
и проложить
дорогу торную
к мостам счастливым
семицветья —
доступным всем на белом свете.

* * *

Бредем с тобою, вплетаясь
в кружево снега белого,
живую чувствуя связь
души и брэнного тела.

Снежинка тает, кляня
тепло лица человеческого.
Ну что ругаешь меня?
Не быть же снежинке вечною.

На свете вечна любовь.
Она дарит нам отраду.
И эта снежная новь
дана природой в награду.

Грустит, падая, снег.
Грустит о любимой туче.
А кто-то в белой тоске
мечтает о доле лучшей.

* * *

*С. Савицкой — первой женщи-
не, вышедшей в открытый
космос.*

Высокие мгновенья
истории планеты —
под куполом Вселенной
космический полет.
И первая из женщин —
земное имя Света —
сплав нежности и силы
землянам выдает.
И звезды расступились
пред мужеством Богини.
И солнце засияло
от гордости сильней.
Высокие мгновенья
даруют миру крылья
и светлые надежды
несут в сердца людей.

* * *

Думал —
можно лепить
мой характер
из пластилина,
как зайчонка,
ежонка
или куклу бездушную.
Но ошибся —
и влип

в пластилиновую пастилку.
Не выносит
женский характер
вмешательства.
Вот решуь —
и оставляю тебя
в замешательстве.
И не думай, что это —
женская шалость.

* * *

Мало иметь
Золотой ключик
к счастью,
ослепляющий
своим сиянием.
Надо суметь
за старым холстом
и паутиной
отыскать
потайную дверь...
И открыть ее
этим ключиком.

* * *

Как пробудилась
ото сна —
Весна!
Светило

радостным лекалом
день начертало.
Приникло небо
синим оком
к окнам.
Ручьи бегут
живым потоком
к стокам.
И по реке
скользнула лодка
ловко.

* * *

Колокол сердца звучит
в моей душе.
Колокол сердца вызывает
к чистой любви.
Единственный
может услышать его
любящим сердцем.
И два колокола любви
зазвучат в унисон.

* * *

Цельность природы —
в ее совершенстве,
в строгости формы,
изящности линий.
И в жизнестойкости
хрупких росточков —

камень, бетон
пробивают собою,
к свету и солнцу
находят дорогу
из заточенья
глухих подземий.
Не подавляйте
силы природы.
Не потакайте
коварным изъянам,
что извращают
святые начала,
данные солнцем,
землей и любовью.

* * *

В этой девочке
мамина нежность ютится.
Материнская щедрость
цветком прорастет.
Так похожи их милые
добрые лица.
В этой девочке
мамина мудрость живет.

И глядит с восхищеньем
на маму девчушка —
учит жить и любить
притяженье сердец.
Новый мир пробуждается
в девочке чуткой.
С ощущеньем его
станет дочь под венец.

СВИСЛОЧЬ

Голубой тесьмой повисла
на планете речка Свислочь.
И колышется волною
голубую, озорною.

Обвивает речка город
очень древний, очень гордый.
Он величие столетий
красотой своей приветил.

* * *

Прелесь окраинных улиц,
рвущихся в вольную степь.
Крыши немного сутулятся.
Окна все смотрят в рассвет.
Ловят проказливых зайчиков
сети уютных квартир.
И просыпается в мальчиках
звонкая прыткость задир.
И убегают с окраины
в страстно манящую чужь,
где воплощаются чаянья
славных ребячьих причуд.

МОРЩИНКИ

Объектив фотосъемочной камеры
не заметил морщинок сеточку.
Паутиновой тонкости шрамами
испещрили они лицо.
Я на них, пожалуй, не сетую —
жизнь штрихи оставляет нехотя

за улыбочивость и задумчивость,
и за мудрость в конце концов.
И от каждого чувства маска
появляется на лице.
Сколько жизнелюбивых красок
выдает наш душевный цех?³
Украшают морщинки кожу
и несут свою новизну.
И с годами они дороже.
Я не ставлю их жизни в вину.

* * *

Хочу, чтоб на планете внешней
пугало только гроз свеченье,
чтоб не узнало человечество
нейтронной смерти обреченье.
Рождайся, радость, в небе чистом!
Рождайся в глубине, жемчужина!
И на причал далекой пристани
катите, волны, пены кружево,
а не отходы смертоносные.
Пусть процветает все живое!
Пусть мирной жизни чувства острые
нас держат нерушимым строем.

* * *

День распускался
венцом алой розы,
светом любви
в нежный утренний час,
оберегая

прекрасные грезы
от любопытства
нескромных глаз.

Солнца лучи
исцеляющей силы
вмиг разогнали
туман забытья.
Сердце наполнив
ласкающим пылом,
звонкую песню
взыграла Земля.

* * *

Небесный маятник
мою судьбу отмерил —
созвездья зодиака
надо мной.
А потому
прекрасное доверье
владеет непорочною
душой.
И ширь Земли
баюкает, ласкает
святые чувства,
нежное тепло.
И вдаль зовет,
курлыча,
птичья стая.
И расцветаю
всем ветрам назло.

* * *

Отзвенело колокольцем лето,
закатилось яблоком в наш сад.
Притаилось под листочком где-то —
нет ему пути уже назад.

А листва, прознавшая про это,
запылала факельным огнем —
проводы устроила. Но лето
возвратилось вдруг погожим днем.

Бубен зазвучал в руках стозвонный.
И опять вернулся летний жар.
Нацепило солнышко корону.
Запылал сильнее листвы пожар.

И пошла утеха и потеха —
заплясали яблони в саду...
Заиграло лето бабьим смехом —
Бабье лето в нынешнем году.

* * *

Поднимаются травы,
отряхнув покрывало зимы.
По ночам, как забавы,
пляшут около летние сны.

Вновь приходит надежда,
но щемит прошлогодняя прель.
И рождается свежесть —
вот уже синеокий апрель.

Отоспались дождинки.
Скоро песню свою забубнят.
И тепла облачинки
поднялись на весенний огляд.

ЗВЕЗДНЫЙ ДОЖДЬ

Звездный дождь,
ты принес радость встречи!
Нет больше слез —
поглотил слезы вечер.
И, затаив от волненья
дыханье,
вместе глядим
на огни мирозданья.
День убежал от тревог и забот.
Свет пожелал отдохнуть от работ.
Только горит
звездный дождь во Вселенной —
все говорит
о любви вдохновенной.
Тихо ко мне прислонилась надежда:
словно во сне — вместе мы,
как и прежде.
Звездный дождь!
Звездный час — обещанье!
Нет больше слез.
И не будет прощанья.

АИСТ

Крутит аист колесико счастья.
Замелькали несхожие дни.

Я прошу его — радостно властвуй!
Я шепчу ему — грусть прогони.

Пусть обломятся стрелки печали,
пропадет хмурых дней череда.
И откроются ясные дали
под упругим размахом крыла.

* * *

Тень скользнула неслышно.
Тень коснулась чела.
Так загадочно вышло —
плоть она обрела.

Обрела очертанья
дорогие твои.
Затерялись страданья
в этот сладостный миг.

Стал ты светом — не тенью.
Стал моею судьбой.
Наши жизни в сплетеньи,
как веноч голубой.

Блики яркого света.
Всплески нашей любви.
Подают нам советы
с высоты журавли.

Лебединая верность
обозначила путь.

И жасминную прелесть
дни на крыльях несут.

Стал ты светом — не тенью.
Стал моею судьбой.
Наши жизни в сплетеньи,
как венок голубой.

ХРАМ

Храм пламенной крови...
Здесь вечного огня —
огня большой любви
святая сила.

Храм нежной чистоты...
Здесь вечная весна,
хоть стужа за окном
иль полыханье гроз.
Уютно здесь и мило.
Давали мы обет —
светло и горячо
хранить свою любовь
и верить, и мечтать,
что это навсегда,
что это вечно.

Храм мужества
и стойкости, и силы...
Ты пережил войну.
Узнал беду.
Узнал печаль
и слезы, и страданья.
Стал храмом доброты,

что чудеса творит,
хоть трудно — невтерпеж.
И больно — хоть кричи.
А надо, надо — заклинанье!

Остался ты для нас
каноном красоты —
простой, земной,
высокой в испытаньях.
И мы пришли к тебе,
сияющий портал,
чтоб поклониться здесь,
у Вечного огня, —
огню Большой Любви.

* * *

Звонкое чувство
принес соловьиный апрель.
Слово «люблю»
повторяет задорно капель.

Капают капельки —
нет их веселью конца.
В такт им торопятся —
бьются влюбленных сердца.

Слово друг другу
даем мы сберечь навсегда
то, что с собой
принесла нам живая вода.

Капают капельки —
нет их веселью конца.

Словно в экстазе,
торопятся наши сердца.

А за апрелем, как водится,
следует май.
Плещется нежное чувство
любви через край.

* * *

То ли зорька
обронила
на лицо росу?[?]
То ли радость мне
приснилась
в ягодном лесу?[?]
Может — быть,
а может — небыль
в чистом звуке струй?[?]
Может — был,
а может — не был
жгучий поцелуй?[?]..
Ну, разве́й мои
сомненья —
на меня взгляни!
И наполним
звонким пеньем
радостные дни.

ФАНТАЗИЯ

Звуки музыки волшебной
навевают гамму чувств.

Набегут волною пенной,
за собою позовут.
Налетит порывом ветер —
вмиг надует паруса.
Побежит с волною вместе
челн. С улыбкой на устах
встречу я тебя, не скрою
чувств, что рвутся из груди.
А пока — твержу я с болью:
все плохое позади.
Впереди должна быть ясность,
искупление всех обид.
Жизнь становится прекрасной,
если много пережить.

* * *

Мне кажется,
залежи соли в земле —
от пота мужицкого
и бабьих слез.
Краюха земли
и ломоть хлеба
сдобрены потом и кровью.
И политы слезами
горя и радости.

ВЕСНА

Отлетая, кружит лепестков конфетти —
снегопад разыгрался весенний.
От весны торжества никуда не уйти.

Открывайте все окна и двери!
Пусть врывается в дом
гомон радостных птиц,
звон ручьев, что под солнцем резвятся.
А весна в одеяньи богатом цариц
лечезарною может назваться.
Не царицей, однако, приходит в наш дом,
а — работницей крепкой, веселой.
Что весною заложено в землю трудом —
обернется наградой весомой.
За цветущей весной знойный август парит —
время наших тревог и свершений.
И земные плоды августейше дарит
нам в награду за труд и терпенье.

ТРОПА

У слабого в жизни есть узкая тропка,
идти по которой ему суждено.
Свой век он плетется по ней очень робко,
взобраться к вершине ему не дано.

Из скромности голову в плечи вобрав,
боясь наступить на идущего задник,
живет он как будто бы вовсе без прав,
являя собой равнодушья рассадник.

На жизни пути нам его обойти
порой невозможно иль сложно бывает —
на наши старанья спокойно глядит
и молча нас точки опоры лишает.

Дорога к вершине опасна, крута.
Идущий к вершине пощады не просит.
Тому покоряется лишь высота,
кто дружбу превыше всего превозносит.

* * *

Прозрело небо. В солнечных лучах
купаются верхушки старых сосен.
Седые сопки на своих плечах
несут пока еще тумана просинь.

Настанет день и опадет туман
на травы, на листву, иголки хвои.
Откроется улыбчивая даль
и увлечет крылато за собою.

* * *

Вечность пространства.
Зыбкость мгновений.
Жизнь так прекрасна
у колыбели.
Зыбкой зовется
эта кроватка.
Ласточка вьется
в мире превратном.

Пусть уповает
душа человека
на колыбель
двадцать первого века,

и озаряет
зыбкость мгновений
солнце, встающее
из-за деревьев.

* * *

В реке купает косы ива,
смывая глени ушедших дней.
А воды чисто, говорливо
журчат прохладою под ней.

И убажает эта свежесть
единство ивы и реки.
И жизни боль волнует реке,
и мысли трепетно легки.

Реки затон, густая зелень,
к воде бегущие кусты...
Смывает горечь невезенья
очарованье красоты.

* * *

Облака воспоминаний
проплывают предо мною —
то сгущаясь, то теряясь,
то захватывая роем;
то прольют дождемки-слезы,
то взобьют отраду пеной —
зачарованные грезы
вырастают постепенно;

то набухнут тучей черной,
накопив заряды молний...
Прогоню я то, что вздорно,
а хорошее запомню.

* * *

Тонут звезды
в хлопьях снега,
растворилась темнота.
И от снега пахнет негой.
И от снега — чистота.
Все горячее остыло.
Все мятежное застыло.
Белизна и красота —
мироздания простота.

* * *

Листья, скрученные в трубочку,
листья, сложенные веером,
дарит нам весна-голубушка,
дарит просто, дарит весело.

Расправляет свитки солнышко,
ветер код весны насвистывает.
И, казалось, мертвый колышек
клеит новой жизни листики.

И горчит, и кружит голову
незатейливое кружево.
Все весною перековано,
к жизни трепетно разбужено.

ПОЛЕ

Проросло зерно, проклюнулось,
распахнуло землю с жадностью.
Задыхало поле мудростью,
стало поле светлой радостью.
Стало поле морем зелени.
Шелестит, собой любится —
очаровывает прелестью,
с ветерком взахлеб целуется,
умывается дождинками.
По утрам сверкает росами,
а потом нальется дивными
золотистыми колосьями.

* * *

Хаос ранней весны,
снежных глыб разоренье.
Нет еще красоты,
но витает прозренье.

Улыбается все
по-весеннему робко.
Встрепенулось весло —
и отчалила лодка.

Ожило, поплыло,
потеряло глобальность —
новый смысл обрело
и весны гениальность.

* * *

Настоящая любовь,
как жемчужина, —
не в каждой отыщешь
раковине.
Зарождается она
из песчиночки,
обволакиваясь
перламутром терпения.
Кто лелеет эту песчиночку
и хранит с глубокой верностью —
тот получит плоды радости
от большого земного счастья.
Запасайтесь
перламутром терпения —
светлой нежности и благодарности.

МЕЧТЫ

Не всегда управляем мечтами,
что, как парусник, в море влекут.
Часто их приземляем мы сами,
опошляем пустыми словами —
ни к чему этот тягостный труд.

А мечта, как подъемная сила,
помогает по жизни идти.
Столько горя порой выносила,
но пощады нигде не просила —
чистой верой крепила мечты.

* * *

Минск — это символ любви и бессмертья,
мира и счастья на грешной планете.
Ты — горделиво-красив, старый город.
Ты — вдохновеньем и радостью молод.
Славу снискал не только в сраженьях —
все здесь поставлено миру в служенье.

* * *

Льдинки, стеклышки, хрусталинки
отзвенели. Стали таять.
Улыбаются проталинки —
с ними радость расцветает.

На проталинках — подснежники
ловят солнечные зайчики.
И на смену белой нежности
чувств рождается мозаика.

* * *

Кисея берез,
беспечность клена,
строгость тополей,
плакучесть ив...
Сердце мне отрадою зеленой
ублажает вешний ваш мотив.
Сок струится под корою белой,
падает из ранки на траву:

он меня бодрей и чище сделал —
с новым ощущением живу,
ощущеньем трепетности мира,
сладо́сти весной рожденных грез.
И весна становится кумиром,
радуя капелью звонких слез.

* * *

Закатный час.
В нем мягкость отрешенья
от суетности трудового дня,
когда в клубах прощального огня
уходит свет под полог мирной тени.
И наступает ясность глубины...
Нельзя сберечь закатные мгновенья,
но благость их рождает откровенья
без горечи, упрека и вины.

* * *

Единство любящих сердец
освящено прекрасным браком.
И узы эти нежной лаской
сплетают свадебный венец.

И, окольцованная счастьем,
смеется гордая чета.
Успешно пройдена черта —
дан старт взаимному участию.

И жизнь пред ними предстаёт
цветами звездно-алой краски.
Да не коснутся злые распри
житейской трезвости забот.

* * *

Рожденья дня —
рассвет заветный.
Край неба
надорвался чуть
и брызнул резво
ярким светом,
избавив мир
от темных пут.
Рассвет любви —
открытие чуда,
основа жизненных
начал.
И твердость
позабыл рассудок,
во власти чувств
нежнее стал.
И мысли быются,
словно птицы,
желая вскрыть
затворя клеть.
Любовь — весной
в сердца стучится,
чтоб жить, творить
и не стареть.

* * *

В. Быкову

И света луч той
мощи и величья,
что разум возвышает,
воспевая,
пронзил сознание,
привнеся любовь
и почитание,
и благоговение,
и чистое невольное
прозрение —
знамение веры, воли,
торжества.
А слабости земного
существа
растаяли, отпали,
отступили
перед этой
животворнейшею былью,
представшей
очертаниями лица.

* * *

Яркое скопище звезд.
Загадка ночи —
месяца
полувопрос-полуответ.
Ах, до чего непросто
живем на свете!
И почему так чарует

звездный свет?
Знаю —
всегда отдаленность
тревожно манит.
Знаю —
всегда влечет
к себе глубина.
Я влюблена в небес
седую туманность.
И отрываю часы
от ночного сна.
Но невозможно понять
загадку ночи —
месяца
полувопрос-полуответ.
Впрочем,
осколок этот
округлость прочит...
Лунная тропка!
Обрел и тебя человек.

* * *

Преображение чувств
и взгляда —
какая пылкая преграда
от робости прийти
к экстазу
и, забыв забыв сию, сразу,
и, перестав быть изваяньем,
вкусить плоды очарованья!

* * *

Перейдя черту — предел терпенью,
от избытка тока грянул гром.
Молния забила в упоеньи,
разрядив безумство облаков.

* * *

Снежинки в окно стучат
мохнатыми лапками.
Вставай! На дворе снегопад —
все белое, гладкое.
И шубка снегу под стать —
пушистая, легкая.
Погодка — ни дать, ни взять —
ходьбу подстегивает.
На лыжах бы в лес пойти.
Надеть бы валенки.
А снег все дороги-пути
собой заваливает.
Уймись, седой снегопад, —
довольно, хватит.
Совсем уже не попад
ты стелишь скатерть.

* * *

Зачем же ворчливый взгляд
на жизнь, в которой участвуешь?
Пойми, вдохновенный лад
настроить может на счастье.

Я славлю природный стиль,
поющий в самозабвении.
Как нужны соловьи
в тревожном жизненном веяньи!

Как нужна глубина
женского обаяния...
Пей же ее не до дна —
не иссушай до страдания.

* * *

Пересекаем прямолинейность
звонких жизненных струй.
Туча над нами огромной лейкой —
с нею шалит колдун.

Грянет внезапно дробью грома
и ослепит до слез.
Не затаюсь в уголке укромном
от вдохновенных грез.

* * *

Забился день в ключе скрипичном,
а ночь басы свои уняла.
И снова в щебетанье птичьем
любовь забыла про усталость.

Устала ждать, устала верить —
предательски во тьме шептала.
В душе — ночного страха ересь.
А на щеках — румянец алый.

И ожиданье — вдохновеньем
святое чувство наполняет.
А все же — возвратись скорее,
любовь моя, мой милый странник!

* * *

Милый,
любый,
дорогой!..
Россыпь слов,
дыханье ласки.
Их твержу
наперебой,
ублажая
чудо-сказкой.
Ты срываешь
с губ слова,
нетерпеньем
сердце полня.
И кружится голова.
И плывут
признаний волны.

* * *

Песня лозы виноградной —
музыка щедрого лета.
Буйство природного счастья.
И торжество бытия.
Зов благородных порывов.
И ликование света.
И вдохновенье полетом —

мчит во Вселенной Земля!
Связь с ней крепка, вековечна.
Корни уходят в былое
и прорастают в сознание
верой, надеждой, мечтой,
воспламеняя любовью
чистой, красивой, достойной,
создавшей нам это чудо —
песню пьянящей лозы.

* * *

Познай прекрасного значение —
оно в торжественном свеченье
луны. И звездный хоровод
заманит в сказочный полет.
И солнца луч, пронзая тучи,
ликует радостью кипучей —
как тонкий трепетный росток
и чудодейственный исток
реки широкой и могучей,
и тот непревзойденный случай,
благодаря чему мы рядом...
Все это — счастье и награда.

ИВЫ

Из числа неугомонных —
и беспечны, и легки —
ивы табором зеленым
задержались у реки
посмотреть, как в час заката

луч пылающей зари
побежит по перекатам
в вихре радостной игры.

* * *

Весна, откликнувшись на зов тепла,
пришла и стала властвовать Землею.
Заветные желанья принесла,
очаровав лазурной красотой,
изящной увлеченностью своей,
наполненной отрадой возрождения
природных замыслов и вдохновенных дней,
кующих благодатные решенья.
Насыщен мир признанием в любви
к земному благородному началу.
И трепет чувств с восторженностью слит
прекрасного заздравного звучанья.

* * *

Перед глазами — снега завеса.
Смотрится матовой лампой небесной
зимнее солнце. Светит устало.
Поздно проснулось. Выглядит слабо.
Ну! Пробуждайся, жизни светило!
Что ты вуалью глазки закрыло?
Хмуриться хватит!.. Взвейся желанно,
многозначительно и долгожданно.

* * *

Разрывы туч.
Лохматость неба.

Надломленность.
Понурость.
Хмурость.
От неба
будто край отрезан —
осело,
сгорбилось,
пригнулось.
И давит
серою громадой.
И злится
рокотаньем грома.
И дышит
вязкою прохладой.
О, небо!
Дай дойти до дома...

* * *

Просить участия
не буду и не смею.
В твоём присутствии
восторженно немея,
я не страдаю, нет.
Я жажду онеменья.
И не могу иметь
иное мнение,
что это — дань любви,
а не страданье.
И нет нужды
в печальных излияньях,
когда наградой числю
жизни дни.

В них много
нераскрытой глубины,
которая взаимности не знает.

* * *

Если есть на планете
незыблемо-вечное —
это чувство к тебе,
это тяга к тебе.
Ты —
мой ласковый, добрый,
простой Человече,
в моем сердце — всегда,
в моем сердце — везде!

Если есть на земле
цельный смысл сострадания —
это слезы в себе,
это жалость в себе.
Улыбнись я тебе
даже в час расставания,
чтоб не думал о скорби,
тоске и беде.
Ты —
мой ласковый, добрый,
простой Человече!

* * *

Вехи нашего счастья
проходят чрез нас.

Преломляет невзгоды
призма верного сердца.
И лучится сквозь годы
тепло добрых глаз.
И звучит милый голос
исцеляющей песней.

Разобьется беда
о священный гранит
нашей преданной воли
и силы сердечной.
Благодарная память
навсегда сохранит
красоту и величье
души человеческой.

* * *

Коллизии и катаклизмы,
мятежной правите судьбой
и, проходя сквозь эти призмы,
жизнь века — постоянный бой.

Но побеждает добрый разум —
и отступает тень беды.
В бунтарском праведном экстазе
видны грядущего черты.

А жизнь течет, бурлит потоком
всем злобным силам вопреки.
Не станьте тягостным уроком,
единовластия грехи.

* * *

Мне играл весь день на скрипке
лес, встревоженный весной.
И дарил свои улыбки
муравейник под сосной.

Принесла домой из леса
запах хвойной чистоты
и слова чудесной песни,
и прекрасные мечты.

РОДНИК

Очень родное
и близкое сердцу
слышится в теплом
слове «родник».
В душу оно мне запало
с детства, —
Родине это слово
сродни.

* * *

Злато — не фетиш
в мире огромном.
Скромность — мерило жизни.
А златоуст?
Порази его громом
небо любимой Отчизны,
если слова его
с делом не слиты,

если корнями не в почве.
Мед его уст
именуется липовым.
Он позолотой испорчен.

* * *

Ложь — сложна.
А правда — проще.
Но от правды
часто ропщем.
И боимся осложнений
от невзвешенных решений,
что всегда приходят с ложью.
Это даже очень сложно —
жизнь прожить
под лжедевизом.
Не дадим коварству визу!

* * *

Люблю уютность наших этажей.
Засмотришься — и жизнь, как на ладони.
Встречаемся в подъезде — на меже —
поговорить о трудной женской доле.
Нет, все прекрасно. Вовсе не ропщу.
Никто из нас слезинки не проронит.
Глаза соседки, как надежный щуп.
И дружелюбный тон — вполне устроит.
А! Что там наша тяга к суете —
уж это просто выучка, ей-богу!
Нам попевать — повсюду и везде.
Идти с женщиной на работу в ногу.

А дома? Дома — ты свои права
забуди, и пожеланья тоже...
И от забот кружится голова —
как-будто в вальсе. Кто ж тебе поможет?
Где равенство? Сердечность где? Изволь —
все успевать и быть собой приятной.
К чему приводит головная боль?!
Быть женщиной — надежное занятие.
Не нужен мне соседки острый щуп.
Ей в тон скорбить не собираюсь, право.
Пойду домой готовить вкусный суп
и управлять домашнею Державой.

РОЯЛЬ

Он занимал полкомнаты.
И было всего мебели —
одна этажерка с нотами
да креслице у окна.
И звуками чудными полнилась
так часто звучащая комната.
Казалась, она огромной —
от звуков терялась стена.
Проходит в заботах полное
мое бытие человеческое.
Житейские наши мелочи,
как пыль уплывают вдаль.
И я приношу вечную
любовь и большое почтение
тебе — за стеной времени
звучащий, старинный рояль.

ЕЛИ

Пережив мороз и метели,
разорвав завесу туманов,
нарядились пикантно ели —
как с иголки, сарафаны.
И волнует игриво ветер
бахрому оборок и рюшей.
Донесли городскому свету
красоту заповедной пущи.

* * *

Испить бы радости живицу.
В прозрачной влаге раствориться.
И побежать водою талой
весной холодно-запоздалой.

Ручьем поющим в реку влиться,
поплыть живой ее частицей
по теплomu родному полю...
Мечтою вырваться на волю.

* * *

Горный воздух звенит чистотой.
Пью его и никак не напиться.
Мне не нужен равнины покой —
в поднебесье парить бы птицей.

Так хочу в облаках купаться —
их неясность сквозь пальцы течет.

Я с мечтой не могу расстаться —
с милым другом встретить восход.

* * *

Ветки сирени
из майского сада.
Капли росы
затаились в цветах.
И промелькнула
нежданная радость
в очень родных
и любимых глазах.
И упоенье ее ароматом
нам возвратило
былое чуть-чуть.
Облаком белым
из кипени сада
тихо вспорхнула
щемящая грусть.

* * *

Мираж любви
сладчайше-терпкой
витает в знойном мареве.
Я от нее сбежать хочу.
Сгореть боюсь в том зареве.
Горячностью польхнет.
Охватит жарким пламенем
и опалит. И обожжет.
И станет жгучей памятью.

Раскроется цветок любви
благоуханной розою...
С любовью к сердцу приложи
бутон, страданьем созданный.

* * *

Неспетою песней
в душе отозвалось...
Дела повелели
забыть эту шалость.
Друзья помогли
позабить эту милость —
все то, что могло быть
и что не случилось.
Кругами размытыми
нежной печали
созвучия чувств
о разлуке молчали.
Лелейной мечтой
обозначились дали.
А все же — в них много
щемящей печали.

* * *

Шалуны-тополя!
Заманили меня
в даль безбрежную,
даль лиловую.
Шептуны-тополя!
Опьянили меня

горьковатостью
чувства нового.

* * *

Я верю.
И живу всесильной верой.
И в жизни плоть
она войдет, наверно.
В судьбу мою вольется,
озарив.
И в ожиданьи
благостной поры
роптать не буду.
Есть еще препоны.
И пусть уста
не исторгают стоны,
а пестуют
рождение зари.

* * *

Из руин возродился,
из пепла воскрес...
Величальную Минску
играет оркестр.
Звуки солнцем сияют,
звуки радость поют.
В них — признания счастья,
животворная суть.
И всесильная вера
в созвучность сердец,
что вселяет надежду

на высокую честь.
И любви поклонение
долгу отцов.
И святое терпенье.
И грядущего зов.
Польхают зарницы
благодатного дня.
Теплым светом лучится
дорогая земля.

* * *

Озорного ветра всплески.
Развеселая теплынь.
На крючок печаль повесив,
окунаюсь в жизни синь.

Пью восторг глубокий неба,
опьяняюсь тишиной.
Выплываю вдруг на гребень
чувств, отмеченных мечтой.

Как звенит лесная песня,
зачарованно маня
в мир воистину чудесный
и прекрасный для меня.

Вдохновляясь созерцаньем
ярких красок бытия,
открещусь от зазеркалья,
где в тревоге ты и я.

МАДОННЫ

Матери — созидатели
богатства бесценного.
Почетное право ваятелей
заслужили с древности.
Живое чудо —
в руках материнства.
Всегда и повсюду —
матери мира едины
в своих порывах,
стремленьях
к любви и вере.
Как родники человечности —
мадонны космической эры.

* * *

Блеск молнии.
Миг озаренья.
Связь неба
с земным мирозданьем.
Минутная вспышка
сознания
о бренности
трепетной жизни.
Но нет!
Вдохновение грома
мажорным аккордом
вписалось
в мелодию струй,
шелестящих

лиственной
напоенного лета.
Я счастлива
в мире капризном,
ловя
лепестки морозданья.

Содержание

* * * Животворные родники	4
* * * Не познавай звезды	4
* * * Нежным поцелуем	5
* * * Теплеют ночи	5
Серебро	6
* * * Клен обронил к моим ногам	6
* * * Кристаллы звезд	7
* * * Бег времени	7
* * * Хотелось бы покоя	8
* * * Облаком сиреневым	8
* * * Стог и месяц. Запах сена	9
* * * Белый цвет	10
* * * Мне сказали	10
* * * Поцелуй ребенка...	11
* * * Отбросим ворох условностей	12
* * * Выпуклость капризной белизны	12
* * * Вышивать любила гладью	12
* * * «Вальс-фантазию» Глинки	13
* * * Капли осени срывая	13
* * * В конусе света	14
* * * Звонкокрылый ветер странствий	15
* * * Падай снег	16
* * * Тепло души	16
* * * Ритмы спелого дождя	16
* * * Калинушка-кровинушка	17
* * * Любовь — не робкая осинка	17
* * * А в садах	18
* * * Жизнь пленительно прекрасна	18
* * * Задымит морозом белым	19
* * * Гордо рдеет на калине	19
* * * Горько-винной настойкой	20
* * * Ветер стелется по земле	20
* * * Унес снежинку белый хоровод	21
* * * Помнишь — на празднике	21
* * * А любовь	22
* * * Через страданья от злых неудач	23
О песне	23
Звезда	24
Песнярь	25
* * * Почему же	26

* * *	Благословляю чудо материнства	27
Верба	Хатыни	27
* * *	Исповедуется музыка	28
* * *	О, струны цимбал	29
* * *	Я помню ночные купанья	29
Май	30
Чувство	30
* * *	Хной окрасилась трава	31
* * *	Трехмерность нашего пространства	31
* * *	Радость жаворонком вьется	32
Поезда	32
* * *	Паруса мечты	33
Первая осень	33
* * *	Ощетинились деревья	34
* * *	Островки надежды	34
Отражение	35
* * *	Возвращу безоглядную юность	35
* * *	Тянусь душой к кристальному Кавказу	36
Подснежник	36
* * *	Для тебя я стану	37
* * *	Глазастые ромашки	37
* * *	Золотится берез наряд	38
* * *	Во всем должна быть сердцевина	38
* * *	Ягодное лето средней полосы	38
* * *	Серебристые сединки	39
* * *	Белый цвет — теплый снег	39
* * *	Неба лен над головою	39
* * *	Белорусские цимбалы	40
* * *	Закурлыкав горько	40
* * *	Песчинка — к песчинке	41
* * *	Тропиночка заветная	42
Мечта	42
* * *	Я вплела свою нежность	43
* * *	Расцвела в саду сирень	43
* * *	44
Сны	45
* * *	Паутиновые сети	45
Блеск прощанья	46
Траектория взлета	46
* * *	Обнажила осень	47
* * *	Счастливым всем	47
* * *	Бредем с тобою	48
* * *	Высокие мгновенья	49
* * *	Думал	49
* * *	Мало иметь	50

* * *	Как пробудилась	50
* * *	Колокол сердца звучит	51
* * *	Цельность природы	51
* * *	В этой девочке	52
Свислочь		53
* * *	Прелесть окраинных улиц	53
Морщинки		53
* * *	Хочу, чтоб на планете вешней	54
* * *	День распушался	54
* * *	Небесный маятник	55
* * *	Отзвенело колокольцем лето	56
* * *	Поднимаются травы	56
Звездный дождь		57
Аист		57
* * *	Тень скользнула неслышно	58
Храм		59
* * *	Звонкое чувство	60
* * *	То ли зорька	61
Фантазия		61
* * *	Мне кажется	62
Весна		62
Тропа		63
* * *	Прозрело небо	64
* * *	Вечность пространства	64
* * *	В реке купает косы ива	65
* * *	Облака воспоминаний	65
* * *	Тонут звезды	66
* * *	Листья, скрученные в трубочку	66
Поле		67
* * *	Хаос ранней весны	67
* * *	Настоящая любовь	68
Мечты		68
* * *	Минск — это символ любви и бессмертья	69
* * *	Кисея берез	69
* * *	Закатный час	70
* * *	Единство любящих сердец	70
* * *	Рожденья дня	71
* * *	И света луч той	72
* * *	Яркое скопище звезд	72
* * *	Преображенье чувств	73
* * *	Перейдя черту	74
* * *	Снежинки в окно стучат	74
* * *	Зачем же ворчливый взгляд	74
* * *	Пересекаем прямолинейность	75
* * *	Забился день в ключе скрипичном	75

* * * Милый	76
* * * Песня лозы виноградной	76
* * * Познать прекрасного значенье	77
<i>Ивы</i>	77
* * * Весна, откликнувшись на зов тепла	78
* * * Перед глазами — снега завеса	78
* * * Разрывы туч	78
* * * Просить участия	79
* * * Если есть на планете	80
* * * Вехи нашего счастья	80
* * * Коллизии и катаклизмы	81
* * * Мне играл весь день на скрипке	82
<i>Родник</i>	82
* * * Злато — не фетиш	82
* * * Ложь — сложна	83
* * * Люблю уютность наших этажей	83
<i>Рояль</i>	84
<i>Ели</i>	85
* * * Испить бы радости живицу	85
* * * Горный воздух звенит чистотой	85
* * * Ветки сирени	86
* * * Мираж любви	86
* * * Неспетую песней	87
* * * Шалуны-тополя	87
* * * Я верю	88
* * * Из руин возродился	88
* * * Озорного ветра всплески	89
<i>Мадонны</i>	90
* * * Блеск молнии	90

Литературно-художественное издание

Медведева Лидия Петровна
Траектория взлёта
Стихи.

Отвественный за выпуск Г. Винярки

Редактор А. Масаренко
Корректор Ж. Яснотка
Компьютерный набор и верстка Д. Андреев